

въ свою священную нирвану. Казалось все смолкло, все приготовлялось ко сну; даже костеръ нашъ, не поддерживаемый никѣмъ, началъ потухать. Только отъ меня сонъ бѣжалъ далеко; я всталъ и пошелъ къ своимъ паціентамъ; обернутые въ бѣлье, какъ бы въ саваны, они лежали неподалеку, около другого, тоже полупотухающаго огонька. Вокругъ курившагося небольшого костра сидѣло нѣсколько хаджей, дежурившихъ у своихъ умирающихъ соговарищей, съ которыми они раздѣлили много горя и лишеній, проводя десятки дней на многотрудномъ пути къ священной Каабѣ. Полумерцающій огонекъ слабымъ багровымъ свѣтомъ озарялъ, и саваны живыхъ мертвецовъ, и испытанія физиономіи людей, сидѣвшихъ вокругъ пламени...

Пустыня, обятая ночнымъ спокойствіемъ, спала мертвымъ сномъ... Легкая ночная свѣжесть смѣнила удущающій дневной зной. Воздухъ, казалось, благоухалъ. Дышалось какъ-то легко, свободно, полною грудью... Въ благовоніяхъ пустыни былъ заключенъ чистый бальзамическій, озонированный воздухъ не загрязненный миазмами. Чуднымъ голубымъ шатромъ покрыло небо пустыню, какъ бы сжимая ее въ своихъ объятіяхъ... И въ небѣ, и на землѣ, и въ воздухѣ, все было такъ тихо, торжественно и спокойно... Пустыня спала мертвымъ сномъ, погрузившись въ ту дымку полумрака, который не есть ни туманъ, ни испареніе, а какое-то среднее состояніе между свѣтомъ и тьмою, въ которомъ тонуть всѣ рельефы, всѣ очертанія, всѣ цвѣта, и выступаютъ одни легкіе абрисы, одни цвѣтоты отраженія. Небо спало тоже, но не тѣмъ мертвеннымъ сномъ, какъ пустыня... Въ немъ видѣлась, чудилась незримая, особенная, широко разлитая жизнь... Оно жило жизнью миллионовъ свѣтилъ, мерцавшихъ въ его голубомъ просторѣ, оживлялось миллионами серебристыхъ лучей, которыхъ совокупность придаетъ особенный фосфорическій отблескъ звѣздному небу, видный только въ пустынѣ въ безлунныя, но чудныя звѣздныя ночи.

Вдали на голубоватой дымкѣ, ближе къ горизонту видѣлись неясныя очертанія горныхъ массъ, которыхъ зубчатыя вершины казались Юзѣ таинственными горами Кафа, замыкавшими плоскую, по понятіямъ мусульманъ, поверхность земли. Въ тѣхъ горахъ еще не ступала нога человѣка; въ ихъ дебряхъ живутъ злые гении—африты—полустихійныя существа, старающіяся днемъ и ночью вредить Аллаху и его любимому созданію—человѣку. Ихъ не любитъ пророкъ, но безконечно милосердный Аллахъ терпитъ ихъ, какъ и гяуровъ (невѣрныхъ) и другую нечисть, до поры, до времени.